

ПОИСКИ ФАКТЫ ГИПОТЕЗЫ

Ю. Д. Анчабадзе

«ПРЕКРАСНЫЙ ОБЫЧАЙ ГОСТЕПРИИМСТВА...»

С начала прошлого века в русских периодических изданиях стали появляться многочисленные публикации, авторы которых рассказывали о днях, проведенных ими по долгу службы на Кавказе. Авторами были взявшие на склоне лет за перо армейские офицеры или гражданские чиновники, подталкиваемые, вероятно, на литературную стезю тем интересом к «кавказской» тематике, который был столь характерен для русского общества того времени. Читать эти воспоминания необычайно интересно. Личностное восприятие сложных и неоднозначных событий тех лет, ценные для историка подробности, запечатленные памятью рассказчика, хороший литературный слог, присущий большинству публикаций, — все это делает чтение их увлекательнейшим и полезным занятием.

По понятным причинам, наибольший интерес для меня представляют те страницы записок, которые содержат сведения о быте и культуре местных народов. Нужно сказать, что эта сторона кавказской действительности почти всегда была в поле зрения авторов, и они старались донести до читателя свои впечатления об экзотическом крае, его обычаях и людях. Последние, правда, обрисованы наименее отчетливо. Обобщенные характеристики «горцев» или «черкесов», как в обыденной речи именовали тогда жителей Кавказа, обычно отражали не непосредственный опыт общения авторов с представителями коренного населения, а сложившийся стереотип восприятия народов иной, непонятной культуры. Поэтому оценки страдают вопиющей односторонностью: горцы либо варвары, дикари, лишенные всяких человеческих чувств и побуждений, либо благородные дети природы, которым по-своему понятен смысл человеческого бытия; они либо трусы, вероломно нападающие из засады, либо беззаветные храбрецы, фанатики свободы, самопожертвование которых достойно восхищения, и т. д.

Однако при этом можно заметить одну деталь. Даже при самом негативном отношении автора к горцам, он все же считает своим долгом упомянуть о крайне удивительной для него черте местных обычаев — гостеприимстве. Действительно, сведений о гостеприимстве кавказских народов — бесчисленное множество. Все побывавшие на Кавказе в своих описаниях уделяли гостеприимству такое значительное место, что едва ли какая-либо другая сторона кавказского быта, за исключением, пожалуй, кровной мести, может быть поставлена рядом с гостеприимством по обилию и полноте литературных описаний. Впечатление, которое производили на наблюдателей примеры кавказского гостеприимства, было огромным. Сталкиваясь с патриархальной простотой и искренностью местных нравов, они никогда не могли дать им правильное толкование. Единственное, что им удавалось, это выразить неподдельное восхищение «прекрасным обычаем гостеприимства горцев, удивительным в народе полудиком»¹.

¹ Савинов В. Достоверные рассказы об Абазин.— Пантеон. Спб., 1850, т. I, кн. 2, с. 18.

Обычаю гостеприимства немало внимания уделяло и научное кавказоведение. Ни один серьезный исследователь традиционного быта народов Кавказа не мог пройти мимо того факта, что данный обычай играл выдающуюся роль в жизни местных народов. На это обратили внимание еще дореволюционные кавказоведы²; советские исследователи также обращались к институту гостеприимства, однако изучался он крайне односторонне, и в большинстве случаев дело не шло дальше простой констатации факта его функционирования в традиционном быту того или иного этноса и более или менее детального описания соответствующих этикетно-ритуальных действий.

Между тем, при таком подходе трудно понять истинную роль данного социального института у народов Кавказа и причины его столь длительного бытования³. Поэтому представляется очевидным, что новый уровень в изучении проблемы возможен лишь на основе обобщения обширного кавказского материала, выявления социальных функций обычая гостеприимства, определения его места в соционормативной культуре традиционных обществ Кавказа.

Различаясь в деталях, обычай гостеприимства был одинаков у всех народов Кавказа. Его главнейшей и наиболее архаической чертой было правило, согласно которому хозяин должен был предоставить приют, угощение и защиту любому человеку, в том числе и незнакомому, переступившему порог его дома. Готовность хозяина в любое время оказать путнику гостеприимство находила выражение в ряде моментов. Прежде всего, в каждом кавказском доме имелось специальное помещение для приема гостей — обычно одна из комнат дома, где жила семья. Однако зажиточные хозяева возводили для приема гостей отдельное строение, известное в историко-этнографической литературе под названием «кунацкая»⁴. Двери кунцкой, как и двери основного дома, никогда не закрывались. В противном случае это могло быть расценено как нежелание хозяина видеть у себя гостей. У порога находилась коновязь, что также считалось важным показателем гостеприимства хозяев, ибо означало, что даже в отсутствие последних приезжий мог оставить здесь свою лошадь и пройти в дом. «Коновязь первой встречает гостя», — говорили абхазы⁵. У карачаевцев гость, привязывая к коновязи лошадь, давал тем самым понять хозяевам, что хочет у них остановиться⁶.

Вообще гость мог либо обратиться к хозяевам с просьбой принять его, либо, не спрашивая разрешения, войти в дом или в кунцкую. Недаром у адыгов было принято периодически заглядывать в кунцкую, так как там мог оказаться гость⁷.

Появление гостя всегда вызывало в доме большое оживление. С первых же минут церемониал его приема выливался в очень сложную систему этикетных действий, которой обе стороны неукоснительно следовали. Навстречу гостю обычно выходили глава семьи и его сыновья.

² Наиболее полное описание обычая см. в известном труде М. М. Ковалевского «Современный обычай и древний закон. Обычное право осетин в историко-сравнительном освещении», т. 1—2. М., 1886.

³ Обычай гостеприимства зародился в эпоху доклассовой формации. В период разложения первобытнообщинного строя он «получил особое значение... как универсально распространенный механизм преодоления племенной замкнутости и облегчения межплеменных контактов». (Першиц А. И. Традиции и культурно-исторический процесс. — Народы Азии и Африки, 1981, № 4, с. 75—76). Универсальный характер обычая подтверждается его пойкикуменной распространенностью в обществах, находившихся на определенной стадии развития, причем, как неоднократно отмечалось в литературе, формы проявления обычая были практически идентичными независимо от этнической среды, в которой они фиксировались (см., например: Иванова Ю. В. Институт гостеприимства у горских народов Балканского полуострова и Кавказа. — В кн.: Проблемы истории и культуры. М.: Наука, 1976).

⁴ Косвен М. О. Этнография и история Кавказа. М.: Изд-во вост. лит., 1961, с. 126—129.

⁵ Инал-ипа III. Д. Абхазы. Сухуми: Алашара, 1965, с. 423.

⁶ Карачаевцы. Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1978, с. 213.

⁷ Мамбетов Г. Х. О гостеприимстве и застольном этикете адыгов. — Уч. зап. Адыгейского НИИ языка, литературы и истории. Т. VIII. Этнография. Майкоп, 1968, с. 231.

В кунацкой (рисунок из кн.: Longworth J. A Year among the Circassians. L., 1840).

В случае отсутствия мужчин гостя могла встретить старшая женщина. Гостю помогали сойти с коня, снимали с него оружие, бурку и препровождали в кунацкую или гостевую комнату дома. У тушин, например, встретить гостя выходила вся семья. По обычаю, девушки или молодые невестки выносили шубу и, поздоровавшись с гостем, набрасывали ее ему на спину⁸. У армян Ахалцихского уезда было принято, чтобы красивая девушка или кто-нибудь из женщин снимал с гостя *коши* (обувь)⁹.

В доме гостю давали умыться, переодеться и усаживали на самое почетное место. У грузин-хевсур, например, ему предоставляли кресло, которое в обычное время мог занимать лишь глава семьи. Абхазы, усадив гостя на почетном месте, сами (в том числе и глава семьи) сидели не сразу. Это «стояние» перед гостем считалось признаком уважения к нему¹⁰. Карачаевцы обязательно расстилали перед сидящим гостем узорный войлок¹¹.

Не полагалось проявлять какой-либо интерес к личности гостя, спрашивать его о цели приезда, планах, круге его знакомства и т. д. В то же время гость имел полное право хранить инкогнито. Он мог прожить в доме сколько угодно, так и не открыв ни своего имени, ни своих планов и намерений. В этом случае хозяин и члены его семьи обязаны были заботиться о неразглашении связанной с пребыванием гостя тайны, а если она из-за нескромности хозяина оказывалась раскрытой и это в какой-то мере наносило ущерб гостю, считалось, что хозяин нарушил обычай гостеприимства. Если же у гостя не было нужды скрывать свое присутствие, то очень скоро о нем узнавал весь квартал, и тогда в дом, где проживал гость, начинали собираться многочисленные соседи. С этого момента рядом с гостем постоянно находились люди, так как оставить гостя в одиночестве — значило выказать ему непочтение. «Чем больше посторонних в кунацкой в присутствии гостя, — замечал И. Д. Ка-

⁸ Мачабели М. В. Экономический быт государственных крестьян Тионетского уезда Тифлиской губернии. — В кн.: Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края (далее — МИЭБГКЗК). Т. V. Тифлис, 1887, с. 497.

⁹ Вермишев Х. А. Экономический быт государственных крестьян Ахалцихского и Ахалкалакского уездов Тифлиской губернии. — МИЭБГКЗК, т. III, 1886, ч. 2, с. 93.

¹⁰ Инал-ипа Ш. Д. Указ. раб., с. 423.

¹¹ Карачаевцы, с. 213.

нуков,— тем более сему последнему почет»¹². Гость не должен был скучать. Часто для его развлечения молодежь танцевала, исполняла песни и т. д.

Важнейшим моментом в церемонии приема гостей было угощение, которое устраивалось хозяевами по возможности богатым и обильным. Плохо угостить гостя, не подать все лучшее, что имелось в доме,— значит нарушить обычай гостеприимства в существенной его части.

Застольный этикет в полной мере отражал церемониальный характер обычая. Каждый момент за гостевым столом был тщательно регламентирован, каждому присутствующему отведена особая роль. При этом учитывались малейшие детали, характеризующие гостя и хозяина,— их возраст, социальное положение, степень знакомства и т. д. В соответствии с этим принимали те или иные формы все элементы гостевого застолья — от ритуального омовения рук перед трапезой и места, занимаемого каждым участником, до очередности произносимых тостов.

Приведем несколько примеров, свидетельствующих о церемониальном характере застольного этикета. Обязательное мытье рук, принятое у абхазов перед началом и по окончании трапезы, часто выливалось в длительные, но, разумеется, вполне дружелюбные препирательства о том, кто первым должен совершить данную процедуру. Гость и хозяин наперебой старались уступить это право друг другу. Часто ситуация недвусмысленно указывала, кому следует первым вымыть руки. Если, допустим, гость был молод, а хозяин стар, то последний в силу старшинства и должен был вымыть руки первым. Тем не менее старик-хозяин церемонно предлагал сделать это своему гостю¹³. Описывая застольный этикет адыгов, очевидцы отмечали, что «пока гость ест, хозяин дома прислуживает за его столом и притом с непокрытой головой..., а сам садится лишь по просьбе гостя»¹⁴. А. Л. Зиссерман, посетивший в 30-х годах прошлого века горное общество Цори (Ингушетия), писал: «Хозяин все время стоял, прислуживая нам; подавая кому-нибудь воду, он снимал папаху и не надевал, пока не возвращали ему кувшина»¹⁵.

Гости, находившиеся на территории общины, включались до известной степени в сложившуюся здесь систему связей и отношений и могли быть полноправными участниками всех событий внутриобщинной жизни. Так, тушин, устраивающий поминальное или свадебное угощение, поручал одному из своих друзей, имевшему зычный голос, пригласить на трапезу всех присутствовавших в селении. Тот взбирался на какое-либо возвышение, чаще на крышу дома, и громко оповещал односельчан о предстоящем событии: «Не оставайтесь дома никто, ни мужчины, ни женщины, ни дети, и непременно пригласите с собой ваших гостей без всякого различия». По обычаю, гостям нельзя было отказаться от приглашения¹⁶. У абхазов гости могли присутствовать на таком важном событии внутриобщинной жизни, как сельский сход. Более того, гостям оказывали особое внимание и почет, предоставляли лучшие места.

Отъезд гостя обставлялся весьма торжественно. Все домохозяева выходили во двор, чтобы проститься с ним. Мужчины поддерживали стремя, помогая гостю сесть в седло. Иногда стремя поддерживали пять-шесть человек. Гостя обычно провожали до границы села и возвращались домой лишь после того, как удаляющегося всадника уже невозможно было различить.

¹² И. К. Характерные обычаи у осетин, кабардинцев и чеченцев.— Кавказ. 1876, № 148.

¹³ Инал-ипа Ш. Д. Указ. раб., с. 426.

¹⁴ Описание Черного моря и Татарины составил доминиканец Эмиддио Дортелли д'Асколи, префект Каффы, Татарины и проч., 1634.— В кн.: Адыги, балкарцы и карачаевцы в известиях европейских авторов XIII—XIX вв. (далее — АБКИЕА)/Составление, редакция переводов, введение и вступительные статьи к текстам Гарданова В. К. Нальчик: Эльбрус, 1974, с. 64.

¹⁵ Зиссерман А. Л. Двадцать пять лет на Кавказе. 1842—1867. Ч. I. Спб., 1879, с. 173.

¹⁶ Мачабели М. В. Указ. раб., с. 372.

Прием и обслуживание гостя были весьма обременительным делом. Помимо того, что хозяин должен был оставить все свои дела и заниматься только приемом гостя, пребывание последнего в доме зачастую наносило семье хозяина чувствительный материальный урон. Тем не менее гость не мог предложить хозяину какую-нибудь компенсацию за оказанные услуги. «Не слыхано в Черкесии,— отмечал Хан-Гирей,— чтобы гость покупал когда-либо что-нибудь для своего продовольствия»¹⁷. Об абхазах писали: «Предложить что-нибудь за ночлег или ужин хозяину — это кровно обидеть его; если вы человек новый, не знающий обычаев народа, он отклонит ваше предложение вежливо, но если вы пробыли некоторое время в крае, он без церемоний при вас швырнет деньги какому-нибудь ахашалу [рабу.— Ю. А.]»¹⁸.

Хозяин обязан был исполнить любую просьбу своего гостя, содействовать ему в любом его предприятии. «Хозяин,— пишет С. Пушкирев,— сгорит со стыда, когда не имеет возможности помочь в нужде своему гостю»¹⁹. Далее автор описывает любопытный эпизод, происшедший с ним во время путешествия по абхазскому побережью. Остановившись в качестве гостя в абхазском доме, он обратился к хозяину с просьбой дать ему коня. Тот с готовностью вызвался сделать это и куда-то ушел. Долго ждал Пушкирев его возвращения. Наконец, когда терпение истощилось, он зашел к старику-хозяину соседнего дома. Выслушав рассказ Пушкирева о его злоключениях, старик сказал: «Тебе нужна лошадь, и ты ждешь ее целый день? Зачем же ты не пришел ко мне прежде? Твой кунак усладил свою лошадь в другой аул, но так как он не в ладах с соседями, то ему достать другую очень трудно. Вот он со стыда, что не может служить тебе лошадью, скрылся от тебя и явится не прежде, как отыщет лошадь, может завтра». С этими словами старик мигом оседлал две лошади — для гостя и для себя, чтобы сопроводить его. Этот эпизод вполне согласуется со словами Г. Ф. Чурсина: «В своем желании не допустить ни малейшего нарушения обычая гостеприимства некоторые абхазские семьи доходили до абсурда»²⁰.

Важнейшей обязанностью хозяина по отношению к гостю было обеспечение его безопасности. Любой человек, вступавший под крышу кавказского дома, одновременно вступал под защиту его хозяев. Нанести ущерб гостю — значило нанести оскорбление хозяину, которое в известных случаях смывалось только кровью. В. Швецов, наблюдавший в 20-х годах прошлого века быт горцев Северо-Западного Кавказа, обратил внимание на то, что больше всего крови проливается за нарушение обычая гостеприимства: здесь грозит месть всего аула, и виновный не избежит смерти и разорения²¹. То же самое отмечалось и у хевсур. «Сохрани бог обидеть его (гостя.— Ю. А.),— писал А. Л. Зиссерман,— обидчик навлечет страшную месть всей Хевсурии»²². Дело доходило иногда чуть ли не до политических конфликтов. В 1806 г. владетельный князь Абхазии Келеш-бей Шервашидзе предоставил убежище бежавшему из Турции видному сановнику Теер-паше. «Султан потребовал выдачи оно-го. Но Келеш-бей, отговариваясь невозможностью нарушить права гостеприимства, ограничился тем, что выслав его из своих владений и дал средства уйти в пределы Российские»²³.

Данная норма обычая привела к широко развившемуся на Кавказе в конце XIX — начале XX в. «гостеприимному скрыванию» преступников, доставлявшему много хлопот царской администрации. Люди, скрывавшиеся от преследований властей, находили приют у родственников и

¹⁷ Хан-Гирей. Записки о Черкесии. Нальчик: Эльбрус, 1978, с. 300.

¹⁸ Введенский А. Н. Экономическое положение туземного населения Сухумского отдела.— В кн.: Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. 6. Тифлис, 1872, с. 10.

¹⁹ Пушкирев С. Абхазия и абхазцы.— Кавказ, 1854, № 61.

²⁰ Чурсин Г. Ф. Материалы по этнографии Абхазии. Сухуми: Абгиз, 1956, с. 21.

²¹ Швецов В. Очерк о кавказских горских племенах с их обрядами и обычаями в гражданском, воинственном и домашнем духе. М., 1856, с. 44—45.

²² Зиссерман А. Л. Указ. раб., с. 214.

²³ Центральный государственный военно-исторический архив СССР. Колл. 414, д. 301, ч. 1, л. 5 об.

знакомых, которые всеми силами старались не допустить ареста в своем доме. Сталкиваясь с такими фактами, начальству приходилось иногда устраивать настоящие карательные экспедиции для розыска и ареста скрывавшихся лиц. Так, в октябре 1912 г. начальник Сухумского округа доносил в канцелярию наместника Кавказа о «сформировании отдельного отряда стражи» и «посылке этого отряда в Кодорский участок с специальной целью преследования и истребления беглецов, систематически укрываемых жителями этого участка»²⁴.

Огромную роль в поддержании обычая гостеприимства в традиционных обществах Кавказа играло общественное мнение. Так, об абхазах писали, что «хозяин обесчестит себя, если откажет в ночлеге и ужине каким бы то ни было случаем заехавшему к нему незнакомому гостю»²⁵. У адыгов людей, нарушивших обычай гостеприимства, встречали «на каждом шагу оскорбительные упреки..., а в прежние времена подобные изверги вовсе были изгоняемы из общества людей чтимых и даже нередко лишаемы жизни своими родственниками за нанесенное всему их роду неизгладимое посрамление»²⁶. У балкарцев человек, отказавший гостю в приеме, покрывал позором не только себя и свою семью, но и всю «фамилию», где бы ни жили ее члены²⁷.

Обычай гостеприимства получил еще в древности религиозное обоснование. Об этом, в частности, свидетельствуют такие абхазские фразеологизмы, как: «Да милует и поможет тебе твое хлебосоольство!», с которым обращались к гостеприимному хозяину, и «Да будет проклятием, тяжким бременем для тебя хлеб-соль!» — к тому, кто нарушил обычай²⁸, и осетинское выражение «Гость — божий гость»²⁹. У состоятельных карачаевцев коновязь перед домом, обычно богато украшенная, имела вдобавок и надписи религиозного содержания³⁰. У адыгов Хан-Гирей зафиксировал любопытный обряд в честь Саусрока — одного из героев нартского эпоса: «В известную зимнюю ночь совершали в честь его пиршества, причем относили в гостинный дом лучшую пищу и питье для Саусрока, а в конюшне приготавливали сено и овес для его лошади. Разумеется, Саусрока не бывало, но случайно заехавший гость заменял его, и пирующее семейство, приезд гостя почитая за хорошее предзнаменование, с радостью угощало его; когда же не случилось приехать гостю в ту ночь, то радость семейства не столь бывала торжественна. Таким образом, и самое суеверие содействовало черкесов хлебосолами», — заключал Хан-Гирей³¹. В другом месте Хан-Гирей замечает, что «черкесы вообще, принимая гостей, уверены в том, что делают угодное творцу»³².

Итак, обычай гостеприимства был важнейшей нормой общественной жизни в традиционном быту народов Кавказа. По крайней мере факты свидетельствуют о том, что обычай гостеприимства превосходил по своему значению все другие общественные институты, и необходимость его выполнения оттесняла на второй план обязанность следовать другим нормам поведения. Так, в быту многих кавказских народов хорошо известны многочисленные факты, когда кровник освобождался от возмездия, если он оказывался в доме обиженной им стороны. Зная это, кровник иногда искал спасения в доме своего кровомстителя, являясь туда в качестве гостя. В любом другом случае при любых обстоятельствах его неизменно настигла бы пуля или кинжал мстителя, но в данной ситуации совершить месть значило бы совершить нечто противное уста-

²⁴ Центральный государственный исторический архив ГССР. Ф. 13, оп. 21, д. 1735, л. 20 об.

²⁵ Введенский А. Н. Указ. раб., с. 10.

²⁶ Хан-Гирей. Указ. раб., с. 301.

²⁷ Мусукаев А. И. Балкарский тукъум. Нальчик: Эльбрус, 1978, с. 133.

²⁸ Басария С. П. Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении. Сухум-Кале, 1923, с. 66.

²⁹ Калоев Б. А. Осетины. М.: Наука, 1971, с. 195.

³⁰ Карачаевцы, с. 213.

³¹ Хан-Гирей. Указ. раб., с. 98.

³² Там же, с. 302.

новлениям адатов, навечно покрыть себя позором, ибо в этом случае нарушался священный обычай гостеприимства. Во все время своего пребывания в данном доме кровник рассматривался лишь как гость, и любые действия, наносящие ему ущерб, в особенности лишение его жизни, были совершенно недопустимы. «Обычай гостеприимства до такой степени считается священным в глазах туземцев, что даже враги и лица, замешанные по кровомщению, находят безопасный приют у своих врагов; но это только на время, пока они находятся под кровлей своего хозяина»³³. Действительно, стоило кровнику покинуть дом своих врагов, т. е. перестать быть их гостем, как он мог быть тут же убит уже во исполнение другого обычая — кровной мести.

Таким образом, при столкновении двух древних норм обычного права, имевших выдающееся значение в традиционном общественном быту народов Кавказа (а все современники сходились во мнении, что именно гостеприимство и кровная месть играли наиболее значительную роль в общественной жизни края), второй обычай всегда отступал перед необходимостью исполнить первый. Там, где начинал действовать обычай гостеприимства, переставал действовать обычай кровной мести; и наоборот, когда переставал действовать обычай гостеприимства, кровомщение вновь вступало в свои права. Такое соотношение двух норм обычного права сложилось, вероятно, еще в древности и объяснялось более значимыми социальными функциями гостеприимства по сравнению с кровной местью. Остановимся на них подробнее.

Прежде всего обычай гостеприимства давал возможность населению Кавказа беспрепятственно путешествовать по краю, не заботясь о месте для ночлега, о пище для себя и корме для своего коня. Все это можно было получить в любое время и в любом месте, где бы путнику ни повстречалось человеческое жилье. На эту важнейшую функцию обычая гостеприимства обратил внимание В. К. Гарданов: «Уже сама по себе возможность всякому проезжему человеку остановиться в незнакомом для него доме, где застанет его ночь или непогода, будучи уверенным, что его примут с охотой и без всяких отговорок, делала гостеприимство очень важным и необходимым обычаем у горцев, не имевших в то время ни гостиниц, ни постоялых дворов, ни каких-либо других учреждений, обслуживающих путешественников»³⁴. Если поездка была деловой, ее успеху способствовали нормы обычая, по которым хозяин должен был всеми силами помогать гостю в осуществлении задуманного им предприятия, заботиться о его безопасности и неприкосновенности. Помимо поездок в рамках обычая гостеприимства осуществлялись также широко известные на дореволюционном Кавказе миграции отдельных лиц, а иногда и целых семей, вынужденных бежать с насиженных мест из-за опасения быть подвергнутыми кровомщению. Пришельцы появлялись на новом месте в качестве гостей, которых по истечении определенного срока адаптировала данная община, причем если мигранты оказывались в иноэтническом окружении, то более или менее длительное пребывание на новом месте постепенно вело к их этнической ассимиляции. Таким образом, в условиях замкнутого патриархального кавказского быта обычай гостеприимства был действенным инструментом, обеспечивавшим мобильность местного населения, одним из каналов межэтнического общения.

Другой важной функцией обычая гостеприимства была своеобразная межличностная передача информации. По существу единственным источником информации на дореволюционном Кавказе был гость, который по прибытии сообщал массу интересного о виденном и слышанном, о жизни в других местах Кавказа и т. д. Отчасти поэтому приезд незнакомца в село вызывал среди его жителей большое волнение и интерес,

³³ Статистическое описание губерний и областей Российской империи. Т. XVI. Ч. 5. Спб., 1858, с. 266.

³⁴ Гарданов В. К. Гостеприимство, куначество и патронат у адыгов (черкесов) в XVIII — первой половине XIX в. — Сов. этнография, 1964, № 1, с. 36.

и если путнику не было нужды хранить инкогнито, то в отведенной ему хозяином комнате или кунацкой всегда собиралось много людей, с увлечением его слушающих и расспрашивающих. Интерес к гостю повышался, если он был представителем другого этноса. В этом случае объем информации намного расширялся, выходил за рамки известного хозяевам региона, что давало им возможность познакомиться с явлениями и понятиями иной культуры, иного жизненного уклада.

Выше говорилось, что приезжего гостя обязательно старались развлечь, затеяв для него пляски, исполняя песни и т. д. В дом приглашались юноши и девушки, которые своим искусством доставляли удовольствие не только гостю, но и всем пришедшим посмотреть на приезжего и выразить ему почтение. Таким образом, собираясь в дом, который посетил гость, односельчане не упускали и возможности развлечься, а также увидеться друг с другом, обменяться новостями. Эта черта народного быта, связанная с обычаем гостеприимства, выступает как форма проведения досуга. Исследования показывают, что она занимала важное место в общей структуре традиционных видов развлечений дореволюционного кавказского крестьянства³⁵.

Общественное мнение всегда считало хлебосольство одной из главных человеческих добродетелей. Поэтому прослыть человеком, к которому часто наезжают гости, значило заслужить почет и уважение односельчан и, кроме того, приобрести в их глазах ряд лестных социальных характеристик. В частности, гостеприимство хозяина свидетельствовало о том, что данный человек богат, так как только состоятельным людям был по силам частый прием гостей. Это свидетельствовало также о том, что данный человек весьма влиятелен и обладает обширными связями в общинах, к которым принадлежат его гости. Последние обязаны были в случае необходимости оказывать ему всяческую помощь и поддержку. Тот, к кому часто приезжали гости и чей дом соответственно становился центром внимания, повышал тем самым свой социальный статус в местной среде. В этом смысле гостеприимство было своего рода престижным знаком, который весьма охотно демонстрировали. Лонгворт дал правильное объяснение первоначальной холодности посетившего его Ислам-Гери: «Он и его семья чувствовали себя обиженными и в какой-то мере встревоженными тем, что на время пребывания в Пшаде я не захотел воспользоваться его гостеприимством в знак уважения, к которому обязывало их положение в здешних краях»³⁶. Ошибка Лонгворта ясна. По прибытии в Пшаду он должен был остановиться именно у Ислам-Гери, как у самого влиятельного и уважаемого лица в округе. Не сделав этого, Лонгворт явно нанес удар его репутации.

Отражение обычая гостеприимства можно найти в самых разных сферах народного быта, ничем не связанных на первый взгляд с данным институтом. Он играл, например, весьма своеобразную роль в сватовстве. И. А. Аджинджал, собиравший в 1940—1950-е годы полевой материал о традиционном быте абхазов, пишет, что молодой человек, желая посмотреть на девушку, которую родители прочили ему в жены, прибегал к хитрости. Со своим ближайшим товарищем он отправлялся в дом, где жила невеста. «Они старались прийти в дом невесты поздно вечером, под видом путников, которых, по существовавшему в стране обычаю гостеприимства, принимали во всякое время дня и ночи, не спрашивая, кто они... И молодой человек легко мог рассмотреть избранную ему родными невесту и составить о ней свое мнение»³⁷.

³⁵ Дзадзиев А. Б. Традиционные формы проведения свободного времени осетинского крестьянства в конце XIX — начале XX в. — В кн.: Этнокультурные процессы в современных и традиционных обществах. М., 1979, с. 97; Анчабадзе Ю. Д. Традиционные развлечения абхазского крестьянства в конце XIX — начале XX в. — Сов. этнография, 1981, № 4, с. 111.

³⁶ Лонгворт Дж. А. Год среди черкесов. — АБКИЕА, с. 537.

³⁷ Аджинджал И. А. Обычаи в дореволюционной Абхазии. — Арх. Абхазского института языка, литературы и истории им. Д. И. Гулиа АН ГССР (далее — АИЯЛИ). Фонд И. А. Аджинджала, с. 46.

Таким образом, юноша, пользуясь обычаем гостеприимства, мог, не выдавая своих намерений, щадя стыдливость девушки и самолюбие родителей, выполнить столь важное для себя дело. Аналогичным способом пользовались обычаем гостеприимства и в Балкарии³⁸.

Выше упоминалось о роли обычая гостеприимства в кровомщении, когда кровник в качестве гостя скрывался в доме своего кровомстителя. Обычай гостеприимства смягчал кровомщение и в другой ситуации. В случае неожиданной встречи в чужом доме двух лиц, состоявших в кровной вражде, оба не должны были дать волю чувствам. Нужно было сделать вид, что не замечаешь врага, и держаться от него подальше либо удалиться из дома.

Своеобразное проявление обычая гостеприимства можно усмотреть в следующем моменте абхазского быта конца XIX — начала XX в. Абхазы имели обыкновение в память об умершем близком родственнике строить маленькие домики, которые располагались обычно у дорог, речных переправ и т. д. Внутреннее убранство такого домика было неприятным — стол и скамья. Родственники покойного регулярно приносили туда и оставляли на столе питье и еду. Любой путник мог заглянуть в домик, отдохнуть, переждать непогоду, подкрепиться и снова отправиться в путь. Т. Сахокиа, впервые описавший эти домики, сравнивал их с «бесплатными гостиницами»³⁹. Путник, находясь какое-то время под его крышей и пользуясь припасами, оставленными там хозяевами, был как бы у них в гостях, хотя, как правило, гость и хозяева в таких случаях даже не встречались. Только увидев, что кто-то воспользовался оставленными в домике припасами, хозяева понимали, что здесь побывал гость.

На первый взгляд может показаться, что на протяжении столетий обычай гостеприимства претерпел мало изменений. Действительно, даже в такую отдаленную от времени его возникновения эпоху, как конец XIX в., он занимал весьма прочные позиции в общественном быту народов Кавказа, его проявления были ярки и повсеместны, а сохранившиеся описания очевидцев рисуют картину нравов чуть ли не доклассовой древности.

Однако исследования показывают, что это был уже глубоко трансформированный временем институт, сохранявший лишь архаическую оболочку и некоторые прежние функции. Феодализированный обычай гостеприимства во многом утратил свою первоначальную сущность, наполнился новым, несвойственным ему содержанием. Гибкость и приспособляемость этого социального института к новым условиям обеспечили его функционирование и в феодальном обществе. Более того, «в период феодального развития народов Кавказа ни один обычай не был так широко использован господствующим классом для обслуживания его интересов, как гостеприимство и тесно связанные с ним куначество и патронат», — подчеркивает В. К. Гарданов⁴⁰.

Действительно, отныне социальные характеристики являлись весьма важным элементом, непосредственно определяющим конкретные проявления обычая. Чем выше данное лицо стояло на ступенях социальной лестницы, тем богаче и торжественнее должен был быть оказываемый ему прием: князя принимали более почетно, чем дворянина, последнего — более почетно, чем крестьянина.

Приобретая феодальный характер, гостеприимство стало также одной из форм феодальных повинностей крестьян по отношению к своим сюзеренам. Прежде всего это выразилось в развитии постоянного права. Крестьяне обязаны были беспрекословно принимать дворян и князей, которые имели обыкновение со своей многочисленной свитой периодически

³⁸ Мусукаев А. И. Указ. раб., с. 136.

³⁹ Сахокиа Т. Путешествия. Тбилиси, 1950, с. 314 (на груз. яз.).

⁴⁰ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов (XVIII — первая половина XIX в.). М.: Наука, 1967, с. 289—290.

ски объезжать все крестьянские дворы в подвластной округе⁴¹. Хотя феодалы в этом случае формально были гостями, фактически они, пользуясь обычаем гостеприимства, осуществляли своеобразную эксплуатацию крестьянства. Такого рода визиты ложились тяжким бременем на плечи простого народа, ибо на угощение гостей-феодалов уходили почти все продовольственные запасы крестьян.

Современник по этому поводу писал: «Когда какой-нибудь князь, оказав своим посещением с огромной свитой честь крестьянину, уничтожает его годовой запас продовольствия, этот, зная, что ни ему, ни семейству его нечего уже есть, целует получеркески князя и в то же время тайно помышляет о скорейшем отъезде почетного посетителя»⁴². Приведенное свидетельство современника показывает, что глубокая феодализация обычая гостеприимства отразилась также и в изменении самого этикета приема гостя. По обычаю, хозяин обязан был оказывать гостю знаки всяческого внимания и уважения, но отнюдь не показное раболепие. Здесь же хозяин, прощаясь с знатным гостем, целует полу его черкески, демонстрируя ему свою преданность и подчиненность.

Представители феодальной верхушки вообще могли безнаказанно попирали древние нормы обычая, рассматривая случайно попавших к ним гостей в качестве людей, полностью зависящих от их власти. Так, уцмий Кайтагский не очень любезно обошелся со следовавшим в Грузию в 40-х годах XVII в. русским посольством во главе с Ефимом Мышецким. При этом уцмий считал: «...мои де они гости... хочу их в горы продам или, перепоров, в море помечу»⁴³.

В дореволюционной Абхазии под покровом обычая гостеприимства развился весьма своеобразный обычай, вошедший в историческую литературу под названием «асаство» (об абхазского слова «асас» — гость). Его зарождение относится к периоду усиления феодализации абхазского общества и ухудшения положения крестьян. В этих условиях характерной чертой социальной жизни Абхазии стали участвовавшие переходы крестьян от одного феодала к другому. Пользуясь правом свободного перехода, крестьяне в связи с усиливавшейся феодальной эксплуатацией уходили от своего владельца под покровительство другого в надежде, что это улучшит их положение. Естественно, принять под покровительство ушедших от другого феодала крестьян мог только весьма влиятельный представитель феодальной верхушки — чаще всего это был кто-либо из абхазских князей. Согласно обычаю, явившегося искать покровительства крестьянина князь принимал в качестве своего гостя, требуя от него, однако, взамен оказываемого покровительства выполнения различных повинностей. Таким образом, обычай гостеприимства в данном случае служил прикрытием феодальной формы патроната, которую на адыгском материале раскрыл и подробно охарактеризовал В. К. Гарданов⁴⁴. Такова в общих чертах была роль обычая гостеприимства в системе традиционного общественного быта народов Кавказа.

Великая Октябрьская социалистическая революция коренным образом преобразила жизнь народов бывших окраин Российской империи. В процессе переустройства их быта на социалистических основах окончательно ушли в прошлое многие традиции, не совместимые с советским образом жизни. В то же время утверждавшаяся мораль социалистического общества наполнила новым содержанием те народные традиции, которые, обладая высоким гуманистическим смыслом общечеловеческой культуры, органично вписались в кодекс нравственных ценностей советского человека. В этих условиях древний обычай гостеприимства народов Кавказа продолжал оставаться неотъемлемой частью их быта. Е. М. Шиллинг, побывавший в Абхазии в 1925 г., отмечал значительную

⁴¹ Инал-ипа Ш. Д. Указ. раб., с. 429; Калмыков И. Х. Черкесы, Черкесск: Ставроп. кн. изд-во. Карачаево-Черкес. отд-ние, 1974, с. 196.

⁴² Чернышев В. Еще об Абхазии. — Кавказ, 1854, № 32.

⁴³ Цит. по: Волкова Н. Г. Статейные списки русских посольств XVI—XVII вв. как этнографический источник. — В кн.: Кавказский этнографический сборник (далее — КЭС). Вып. VI. М.: Наука, 1976, с. 263.

⁴⁴ Гарданов В. К. Общественный строй адыгских народов..., с. 321—326.

традиционность местного гостеприимного этикета⁴⁵. Е. Пчелина, собиравшая в конце 20-х — начале 30-х годов материал в Южной Осетии, также зафиксировала бытование многих традиционных черт обычая⁴⁶.

И сегодня гостеприимство в широком, общечеловеческом смысле слова является устойчивой чертой поведенческого стереотипа народов Кавказа, в некотором смысле элементом их этнической психологии. Недаром в обыденном представлении иноэтничных групп народы Кавказа славятся именно этим своим качеством. Человек, который гостит в каком-нибудь кавказском доме, в полной мере может почувствовать на себе заботу и внимание, оказываемые ему хозяевами. Уже давно на Кавказе не строят кунацких, но гостю обязательно предоставят лучшую и особенно хорошо обставленную комнату дома. Как правило, сами хозяева в ней не живут, но постоянно поддерживают там идеальный порядок специально на случай приезда гостей. Обильное угощение, которое является обязательным элементом современного гостеприимного этикета, сохраняет церемониальный и во многом традиционный характер.

Таким образом, налицо удивительная сохранность элементов древнего обычая в современном быту. Это объясняется рядом обстоятельств. Обычай гостеприимства относился к тем важнейшим устоям бытового уклада патриархальных обществ дореволюционного Кавказа, которые еще в начале XX в. оказывали существенное влияние на психологию людей и их поведение. Однако упорная борьба с вредными обычаями прошлого (кровная месть, умыкание женщин и др.), ведущаяся в первые годы Советской власти, не распространялась на обычай гостеприимства, так как он был по своей сути во всяком случае нейтральным и не сопрягался в повседневном быту и общественной практике с однозначными негативными оценками. Поэтому в новых условиях старинный обычай не угас, хотя, конечно, претерпел существенные изменения. Последние прежде всего выразились в том, что исчезла социальная база обычая, ибо то, что делало его столь значимым в дореволюционном быту народов Кавказа, потеряло свою актуальность.

Ныне путешественникам по Кавказу не нужно искать ночлега в незнакомых домах: к их услугам гостиницы, дома приезжих, турбазы, кемпинги. Современные средства массовой информации оперативно доносят новости до жителей самых высокогорных сел. Рассказ гостя по-прежнему может интересовать хозяев, но он не является единственным, уникальным источником информации о событиях внешнего мира. Стали бессмысленными и другие, некогда весьма полезные функции обычая.

Обычай гостеприимства исчез в качестве *социального института*, но остались *морально-этические установки*, основанные на существовавшей когда-то социально-бытовой норме. Поэтому гостеприимство как крайне желательный элемент межличностного общения продолжало и продолжает удерживаться как в быту, так и в психологии народов Кавказа.

Есть еще один момент, который играет в данном случае немаловажную роль. Многими представителями народов Кавказа гостеприимство оценивается как исконная национальная традиция. Оказывая кому-нибудь гостеприимство, особенно представителю другого этноса, кавказцы как бы демонстрируют неотъемлемую черту своей национальной культуры. Благодаря этому гостеприимство приобрело этнознаковую функцию в известном противопоставлении «мы — они», интегрируя группу носителей данной черты бытовой культуры и противопоставляя ее по этому признаку остальным. В современных условиях этот момент явно оказывает влияние на психологическое обоснование самого обычая, способствует поддержанию его отдельных внешних атрибутов.

⁴⁵ Шиллинг Е. М. В Гудаутской Абхазии. — Этнография, 1926, № 1—2, с. 73—75. О характере бытования обычая гостеприимства в Абхазии в 1940—1950-х годах см.: Акаба Л. Х. Абхазы Очамчирского района. — КЭС, 1955, I, с. 102; Смирнова Я. С. Семейный быт и общественное положение абхазской женщины в прошлом и настоящем. — Там же, с. 178.

⁴⁶ Пчелина Е. Обряд гостеприимства в Осетии. — Сов. этнография, 1932, № 5—6.